



ТОБОР ПЕРВЫЙ

Фантастическая повесть

Какая-то дурманящая волна внезапно захлестнула мозг. Иван тайком уцепился за кисть, чтобы прогнать непрошеную дремоту. Сон отступил.

И снова Иван, как и все, кто находился в сферозале, смотрит жадно на мерцающий впереди экран.

...Так и есть, на какую-то долю секунды он, видимо, расслабился, отключился. За это время с выпуклой поверхности экрана успели исчезнуть разгневанные валы, крутящиеся воронки — то, что в сценарии испытаний обозначено как «штормовая водная преграда». Тобор преодолел-таки акваторию, правда — Суровцев бросил наметанный взгляд на табло и нахмурился — не так быстро, как хотелось бы...

А пока трансляторы далекого полигона, неукоснительно следуя настойчивому продвижению Тобора, переключились на новый участок испытательной трассы.

Вода сменилась сушей, но и здесь Тобору не легче. Почва — во весь экран — изрыта кратерами, словно язвами. Метеоритный ливень хлещет направо, и красноватая порода вулканического происхождения непрерывно содрогается.

Картина освещена косыми зеленоватыми лучами яростного светила.

Угадать, куда выстрелит метеорит, нелегко. Да и то сказать, ведь для решения этой задачи отводится не какое-то там спокойное время, достаточное для того, чтобы обдумать ответ, как студенту на экзамене, а сотые и тысячные доли секунды. И от решения задачи зависит не отметка в зачетной книжке и даже не судьба стипендии, а само существование. Да, жизнь того, кто теперь преодолевает очередную полосу препятствий.

Впрочем, еще труднее не только сообразить, куда угодит метеорит, но и вернуться от него. Тут уж необходимы высшая, дьявольская, как любят говорить Аким Ксенофонович, ловкость и быстрота реакции.

Задача Тобора стала бы куда проще, будь у него в наличии обычная танкетка на гусеничном или колесном ходу, которыми, как правило, пользуются космонавты при высадке на новую, неисследованную планету, или шагающий манипулятор, который тоже у них в чести, или — на худой конец — хотя бы стандартный панцирь, снабженный противометеоритным полем.

Но как быть, если ничего такого у испытуемого не имеется и ему приходится рассчитывать только на себя, на собственные, как говорится, возможности?..

Ничего не попишешь, именно таков девиз нынешнего, заключительного, цикла испытаний: аварийные условия. Именно они составляют суть многотрудного решающего экзамена Тобора, который должен продлиться в общей сложности трие суток.

Первая треть испытаний на исходе, и скоро будет объявлен перерыв для отдыха. Белковый Тобор, конечно, не ведает усталости, он мог бы пройти весь трехсуточный цикл без перерыва. Тобор, но не люди... Экзаменаторы буквально с ног валились от усталости.

Люди, сидящие в сферозале, знают: метеоритная полоса, как говорится, цветочки. Главное испытание сегодняшнего дня впереди.

...Кстати, об имени Тобор. Суровцев усмехнулся, припомнив, что именно он дал название институтскому детищу.

— А что оно, собственно, означает — Тобор? — спросил Петрашевич.

— Робот наоборот, — усмехнулся довольный Суровцев.

Сама по себе формула экзамена проста — проще не бывает; действие происходит, условно говоря, на чужой планете. Предположим, что группа космонавтов-испытателей — и с ними белковый помощник Тобор — отделилась от материнского корабля и попала в беду, оказалась в результате непредвиденных обстоятельств начисто отрезанной. Все средства связи вышли из строя (как показала многолетняя история освоения далеких планет, такое, увы, подчас случается, какой бы совершенной ни казалась техника: природа неистощима на выдумки, и у каждой планеты свой нор). И вот, пока люди отсиживаются в пещере или каком-нибудь другом подвернувшемся укрытии, Тобор должен как можно быстрее добраться до корабля, чтобы сообщить о случившемся и вернуться с подмогой.

На этом-то своем условном пути к звездолету Тобор и должен сегодня преодолеть разного рода препятствия. Они воспроизводят те, которые встречаются в отчетах космических экспедиций прошлого...

Тускло мерцает огромный экран в напряженной полутьме зала. Трансляцию с дальнего полигона ведут бесстрастные приборы. Там, за десятки километров от уютного сферозала, проходит испытание, которое должно дать оценку многолетнему труду большого коллектива.

Если Государственная комиссия примет Тобор — рукотворное создание, в котором соединились, сплывались воедино качества машины и живого организма, — то камеры синтеза Зеленого городка получают как бы образец матрицы, по которой можно будет выращивать сотни и тысячи Тоборов — незаменимых помощников человека и на Земле, и в осваиваемых просторах солнечной системы, и на далеких космических путях.

Есть и еще одно обстоятельство.

Сейчас, когда проходит заключительные испытания Тобора Первого, готовится звездная экспедиция в загадочный район Бета Лиры. Для экспедиции зеленогородцы обещали предоста-

вить универсального белкового помощника. Времени для того, чтобы наладить серийное производство белковых, остается в обрез.

Потому-то и думать не хочется никому из сидящих в зале, что испытание может закончиться неудачей.

Нынче, в ходе экзамена, связь с полигоном, разумеется, строго односторонняя.

Никаких команд, никаких пояснений или добрых советов не может сейчас получать Тобор от своих создателей и воспитателей. Ведь все средства связи согласно сценарию испытаний пришли в негодность.

Спешит, торопится Тобор. Путь его далек и труден, чужая планета не изучена и коварна, и только на собственные силы и смекалку может он рассчитывать.

Гигантский осьминог продвигается резкими прыжками, каждый раз каким-то непостижимым образом увертываясь от метеоритов.

Влево... зачем-то чуточку назад... вправо... И вдруг, когда впереди раздается особенно сильный взрыв, Тобор замирает на месте.

Идут мгновения, бесстрастно-торопливо перепрыгивает с деления на деление алая точка на табло хронометра, отсчитывая штрафные, — табло здесь же, рядом с экраном. А Тобор неподвижен, словно изваяние.

Ивану Суровцеву чудится, что пауза разрастается снежным комом, который катится с горы.

«Скорее! Скорее!» — мысленно кричит, молит, требует он, глядя на мощную фигуру, которая замерла посреди экрана. То ближе, то дальше вспыхивают фонтаны метеоритных взрывов, а Тобор все чего-то выжидает.

— Новую стратегию вырабатывает, — вяло высказал Иван предположение.

— Нашел время!.. — отрезал сидящий рядом Аким Ксенофонович.

Суровцев промолчал, только потер кулаком слипающиеся от усталости глаза. Вот она когда сказывается, сумасшедшая гонка последних дней и месяцев.

Люди в зале стараются сохранять спокойствие. Они знают, что Тобор лишен каких бы то ни было ограничителей и полностью независим в своих действиях.

Для выполнения задания Тобору дан определенный отрезок времени плюс полная самостоятельность. Как распределить и использовать это время — его дело.

Так что сиюминутное поведение Тобора — быть может, пауза, которую он сделал для того, чтобы получше оценить конкретную ситуацию, решить, как лучше действовать дальше.

Только вот штрафных очков набрал он, пожалуй, многовато... Блюдца-фотоэлементы Тобора настороженно обшаривают кусок метеоритной полосы, который еще предстоит преодолеть.

До кромки обстреливаемого поля расстояние еще изрядное — километра четыре, прикидывает Суровцев.

Не слишком ли все-таки медлит Тобор? И к земле вроде очень уж прижался. Никогда прежде на учебных испытаниях так не распластывался...

Иван до боли прикусил губу, чтобы прогнать вновь нахлынувшую дремоту, и в этот самый момент Тобор, оттолкнувшись пружинящими щупальцами, прыгнул наискось, в сторону большой, еще дымящейся после метеоритного взрыва воронки.

Нет, это не могло быть случайностью — любое движение Тобора, ученые знали, рассчитано с точностью до миллиметра. До сих пор Тобор избегал взрывов, теперь, казалось, сам искал с ними встречи.

Описав крутую параболу, Тобор свалился в самую середину горячей, с рваными краями воронки.

Сзади послышались одиночные аплодисменты. Звук был настолько необычен для этих стен, что Суровцев обернулся. Хлопал розовощекий альпинист, сидевший на самой верхотуре, в последнем ряду. Увидев, что привлек общее внимание, он смутился и опустил ладони на откидной пюпитр для бумаг. Аким Ксенофонтович, обернувшись, мельком глянул на альпиниста и снова вперил взор в экран, на который смотрел безотрывно с самого утра, изредка нащелтывая в диктофон какие-то замечания.

Альпинист, Константин Дмитриевич, один из крупнейших специалистов своего дела, был приглашен Институтом Самоорганизующихся Систем для выработки у Тобора чувства равновесия, а также обучения его технике прыжка через препятствия.

— Тоб прыгнул с ювелирной точностью! Попал в серединку, не задев края... — пробормотал альпинист, как бы оправдываясь.

— В самое яблочко! — неожиданно поддержал альпиниста молодой вестибулярник.

Суровцев добавил:

— И дальность прыжка отменная. Спасибо, Костя! Выучил!..

Альпинист расцвел от поддержки. Здесь, в компании именитых ученых, чьи имена известны каждому школьнику, он чувствовал себя явно не в своей тарелке, хотя и сам был достаточно знаменит.

— В прошлом феврале у нас с Тобором на Тянь-Шане произошла забавная история. Он должен был перепрыгнуть с одного пика на другой... — начал альпинист, но посмотрел на каменный затылок Акима Ксенофонтовича и осекся.

Ученые были озадачены поведением Тобора. Путь его проходил теперь по ломаной, он прыгал из воронки в воронку.

Суровцев исподлобья посмотрел на Коновницына. Представитель Космосовета сидел в окружении членов Государственной комиссии. Лицо Сергея Сергеевича, крупное, словно высеченное из цельной глыбы мрамора, выглядело непроницаемым.

Глядя, как Тобор осторожно высовывается из воронки перед очередным прыжком, выскивая следующую, Коновницын неожиданно улыбнулся, отчего сразу утратил значительную долю неприступности, и поправил упавшую на лоб мальчишескую челку.

Иван крепче сжал подлокотники кресла и заставил себя успокоиться.

— Ваше мнение, Иван Васильевич? — наклонившись, спросил Петрашевский.

— Тоб сочинил, по-моему, неплохую тактику, — ответил Суровцев. — Тем более, он сделал это на ходу.

— Неплохую, считаете?

Иван кивнул.

— Гм-гм... Но ведь путь его существенно удлинняется...

— Зато становится безопаснее.

— Вы можете это доказать? — живо перебил Аким Ксенофонтович.

— Можно попробовать. На калькуляторе, — сказал Суровцев. — Используя теорию вероятностей.

— Тогда еще один вопросик, Иван Васильевич. Тобор просмотрел блок «Середина XX века», который я вам передал перед испытаниями?

Суровцев опустил голову, чувствуя, как лицо его запылало. «У старика память лучше, чем у любого запоминающего устройства, — подумал он. — Но Тобору-то зачем забивать голову всякой чепухой? Ведь память белкового хоть и огромна, но не безгранична. Хватит с него и этой глупой выдумки с древнегреческими Олимпиадами...»

— Не успел я, Аким Ксенофонтович, — проговорил он. — Вы же знаете, какая у всех, в том числе и у Тобора, была в последние дни сумасшедшая запарка...

Он ожидал сурового разноса, хотя, честно говоря, и не понимал, какое отношение имеют старинные документальные ленты о событиях, давно канувших в Лету, к нынешним неожиданностям в поведении Тобора.

Однако директор ИСС, посмотрев на Тобора, совершающего очередной прыжок, неожиданно прошептал:

— Молодчина!

Между тем Тобор, пользуясь новой тактикой, почти преодолел метеоритную полосу: ему оставалось сделать всего три-четыре прыжка. Однако с каждым прыжком движения Тобора замедлялись.

Суровцев не один год занимался «воспитанием», совершенствованием сложнейшей белковой системы, именуемой Тобором. Преподносил ему все новые дозы информации, учил решать разнообразные задачи. Не раз Иван наблюдал институтское детище и в «полевых» условиях, сопровождая Тобора и на учебные полигоны Зеленого городка, и в дальних поисках, которые проводились на Марсе и Венере. И никогда не переставал любоваться своеобразной грацией движений Тобора, никогда не мог привыкнуть к этому захватывающему зрелищу — Тобор в прыжке.

Оттолкнувшись всеми могучими щупальцами враз и вытянув их в полете, Тобор вонзался в воздух, подобный живой торпедой.

И сейчас, глядя на экран, Суровцев вспомнил приезжего скульптора, который провел в Зеленом городке несколько месяцев. Из всего, чем занимаются ученые Зеленого, скульптор больше всего восхищался Тобором и говорил, что непременно создаст его скульптуру для Марсианской выставки.

Еще прыжок...

«Жаль, нет в сферозале скульптора», — подумал Суровцев, вытирая взмокший лоб.



Рисунки Ю. МАКАРОВА

Тобор и теперь прыгнул по всем правилам тонкой и сложной легкоатлетической науки — под углом в сорок пять градусов, чтобы пролететь максимально большой отрезок, тем самым оставляя позади метеоритную полосу. Уже в полете он сумел увернуться от раскаленного болида — на обзорном экране этот увесистый обломок оставил прерывистый тающий след.

Люди в зале задвигались, зашумели, как бывает всегда после длительного напряжения.

— Хорошо прыгает Тобор! — заметил кто-то.

— Хорошо-то хорошо, да уж медленно больно, — сказал Коновницын. — Под конец мне стало казаться, что это замедленная съемка...

— Ну уж замедленная, Сергей Сергеевич, — возразил Суровцев. — Время еще есть — нагонит.

— И вы так считаете, Аким Ксенофонтович? — перевел Коновницын взгляд на Петрашевского.

— Мне вспомнился документальный фильм времен Великой Отечественной войны, — сказал вдруг директор ИСС.

Аким Ксенофонтович произнес эти слова негромко, но все, словно по команде, повернулись в его сторону.

— Между прочим, один из моих предков, как свидетельствуют исторические документы, отличился на той войне, — заметил Сергей Сергеевич.

— И что же?

— Перебирал я хронику той эпохи и наткнулся на эту ленту... Хотел включить ее в последний учебный блок Тобора, хотя некоторые мои коллеги посчитали, что это совершенно излишняя информация для белкового. А вот только что, представьте, убедился в своей правоте. И еще в том, что Тобор — просто молодчина!

— Что за лента, Аким Ксенофонтович? — заинтересовался Коновницын.

— Документальный кинорассказ о великой битве на Волге. Точнее — только один эпизод этой битвы. От города остались одни руины... В небе висят тысячи вражеских самолетов, поливая развалины смертью... — Голос Акима Ксенофонтовича дрожал от волнения. — Наши солдаты бросаются в контратаку под ураганным артиллерийским огнем противника. А в воздухе носятся клочья черной сажи... И снег почернел... Но я не об этом... — Петрашевский провел рукой по лицу и dokonчил при всеобщем молчании: — Солдаты прыгают в свежие, еще дымящиеся воронки от мин и снарядов. Инстинкт подсказывает им, что это всего безопаснее. Вот такой инстинкт мы воспитали и у Тобора, как вы только что видели. Точнее, создали необходимые предпосылки, а инстинкт прорезался сам собой в нужную минуту.

— Это хорошо, — сказал Коновницын, — но вы не ответили на мой вопрос. Я убедился, что Тобор соображает неплохо. Но почему он замедлил ход?

— Разрешите напомнить: испытания не закончены, — резко произнес Аким Ксенофонтович. — У Тобора есть еще до перерыва время, чтобы наверстать упущенное.

«Нервничает Аксен. — отметил про себя Суровцев. — И не мудрено: с Тобором творится что-то непонятное...».

Метеоритная бомбардировка происходила в вакууме: в атмосфере метеориты сгорали бы, не достигая поверхности. Поэтому испытательный участок отделялся от соседних силовым полем.

В последнем прыжке Тобор с налета протаранил мощную невидимую силовую стену, которую загодя, метров за пятьдесят-шестьдесят, нацупали его локаторы, и метеоритный дождь за его спиной, как по команде, прекратился.

...В первый миг Тобор замер от неожиданности: из царства безмолвия он без всякого перехода попал в мир оглушающих звуков — грома, треска, свиста, грохота.

По замыслу испытателей, этот участок имитировал молодую планету, обладающую мощной, к тому же неустойчивой атмосферой. Здесь Тобора подстерегали препятствия другого рода — грозы, атмосферные вихри, ураганы, буйство газовых потоков, непрерывно пронизываемых электрическими разрядами.

— Именно такого рода условия ожидаются на планете в окрестности Бета Лиры, — напомнил Сергей Сергеевич, и люди в зале оживились.

Шли секунды — Тобор, как и положено, жадно поглощал и анализировал информацию об очередном испытательном участке, приспособляясь к новым условиям и вырабатывая соответствующую линию поведения.

У Суровцева екнуло сердце: опять Тобор медлит, опять включилось штрафное табло...

— Может, слишком большая нагрузка для одного дня?.. — бросил кто-то из членов Государственной комиссии. — Ведь это уже одиннадцатый этап.

Коновницын добавил:

— И отнюдь не последний на сегодня.

— Потенциал Тобора позволяет и вдвое и втрое бóльшую нагрузку, — пояснил Аким Ксенофонович.

— Без отдыха... — вздохнул альпинист.

В зале заулыбались.

— В горах мы с Тобором регулярно устраивали привалы, — пояснил он, поняв, что опять сказал что-то не то.

— Видите ли, Костя, — снисходительно пояснил пожилой усатый инженер, который до сих пор молчал, — Тобор представляет собой машину. А машина не ведает усталости.

— Но привалы...

— Привалы были, видимо, необходимы вам, но отнюдь не Тобору, — улыбнулся усатый.

— И металл устает, — сказал альпинист.

— Значит, это плохой металл, — резко бросил Аким Ксенофонович.

...Солнца на экране не видно — лучи его бессильны пробиться сквозь низкие, стремительно бегущие к горизонту тучи, плотные, как войлок. Изредка из них брызжут косо летящие по ветру дождевики.

«Набухшие тучи сосцами волчицы по хмурой сентябрьской земле волочатся, тяжелые капли спокойно ложатся, и чудится: осень на землю сочится», — припомнились Суровцеву знакомые с детства строки.

Уже несколько минут Ивана не покидало ощущение, что от его внимания только что ускользнуло нечто очень важное. Но что именно? То ли какой-то нюанс в поведении Тобора? То ли реплика кого-то из коллег прошла, не зацепившись в памяти?.. Проклятая усталость, которая никак не дает сосредоточиться!

Тобор уверенными, хотя и не такими быстрыми, как хотелось бы, прыжками, продвигался вперед, освоившись с новой обстановкой. Путь ему преградил шумливый метановый поток. Жидкость белковому была незнакома — так было задумано.

Трансляторы полигона крупным планом показали берег — топкий, болотистый. Щупальца Тобора увязали в нем почти целиком, оттолкнуться для прыжка он не мог.

Тобор подошел к самому краю несущейся пузырчатой жидкости и зачерпнул щупальцем малую толику для химического анализа. Затем бросился в поток.

Плыл он, словно угорь, ловко избегая столкновений с каменными глыбами и стволами деревьев.

Потом, подняв целое облако брызг, выпрыгнул на противоположный крутой берег и двинулся дальше.

Все бы ничего, но штрафные очки за промедление продолжали расти. Тобор медлил буквально на каждом шагу, словно его вдруг поразил некий вирус нерешительности. Например, химический и радиологический анализ метана занял у него четверо больше времени, чем того требовала предварительная раскладка испытателей...

Тобор поднимался по крутому склону, используя малейшие неровности почвы.

Завывал ураган, в ослабленном виде доносимый в сферозал динамиками, стихия пыталась оторвать Тобора и швырнуть его вниз, на разнокалиберные клыки скал.

Альпинист поднялся и, пригибаясь, пошел вниз по проходу. Он сел рядом с Петрашевским на свободное место и тронул Акима Ксенофонтовича за рукав.

...Константин Дмитриевич питал к директору ИСС высочайшее уважение (как, впрочем, и сотрудники института) и считал, что только с академиком Петрашевским он вправе поделиться одной неприятной догадкой, смутившей вдруг отважного альпиниста.

— Аким Ксенофонтович... — прошептал он.

Петрашевский нагнулся.

— Раньше, правда, я не замечал этого за Тобором... Но теперь оно могло появиться, — еще тише продолжал альпинист. — Ведь он продолжает совершенствоваться, да?

— Конечно, — кивнул Аким Ксенофонтович. — Сегодня Тобор не тот, что вчера.

— Но ведь не все изменения обязаны происходить в лучшую сторону? Что-то может и ухудшиться у Тобора, верно?

Академик с интересом посмотрел на альпиниста.

— А что вы, собственно, имеете в виду, Константин Дмитриевич? — спросил он, тоже невольно понижая голос и заражаясь волнением собеседника.

— Послушайте, Аким Ксенофонтович... — Альпинист от волнения едва не произнес «Аксен» — так называли академи-

на между собой молодые ученые института, с которыми альпинист успел сдружиться. Их привычку, кстати, прочно унаследовал и Тобор. — Я провел с Тобором наедине немало часов, немало тревожных дней... И в горах нашей планеты, и в лунных кратерах и цирках.

— Знаю.

— Порой нам приходилось несладко, очень несладко, — продолжал он. — Бывало и так, что оказывались на краю гибели. Что поделаешь, без этого нет профессии скалолаза.

— Я каждый раз самым внимательным образом знакомился с вашими отчетами, Костя, и помню их. Они, между прочим, немало помогли нашим воспитателям и инженерам, в них много ценных наблюдений над природой белкового. Но что же дальше? — спросил он, видя, что альпинист замешкался.

— Так вот, каждый раз в подобной сложной ситуации Тобор неизменно проявлял... ну, бесстрашие, что ли, если говорить нашим, человеческим языком. Полное отсутствие трусости.

— Инстинкта самосохранения, — машинально поправил Аким Ксенофонтович, с возрастающим вниманием прислушиваясь к сбивчивому шепоту Кости. — Этот инстинкт у него есть, конечно, но только в необходимых пределах. Иначе Тобор погиб бы в первом же серьезном испытании.

— Пусть будет инстинкт самосохранения, — торопливо согласился альпинист. — Дело не в терминах, в существе... Тобор, когда нужно было, ни мгновения не раздумывая, бесстрашно прыгал через каньоны, смело спускался в пропасти, на пики поднимался, да какие!.. Да и мне, сами знаете, жизнь однажды спас с риском для собственной... А теперь вот... Я не умею точно сказать, я не ученый... — Он кивнул на табло времени, на котором число штрафных очков продолжало расти, и выпалил: — Может, это у Тобора трусость вдруг прорезалась?

— Трусость? — переспросил Петрашевский.

— Ну да. Боязнь погибнуть. Может, испугался вдруг? Совершается же!..

— Нет, это не трусость, Костя, — после продолжительной паузы задумчиво произнес Аким Ксенофонтович, покачивая головой. — Я и сам успел подумать об этом, когда Тобор преодолевал метеоритную полосу. Не трусость, не осторожность, не боязнь, не инстинкт самосохранения... Тут что-то другое.

— Так что же?

Петрашевский развел руками.

— Ума не приложу, — признался он. — Ничего подобного с Тобором прежде не бывало. Ведь перед самым экзаменом Тобору устроили генеральный прогон всего испытательного цикла. И он прошел его, батенька мой, великолепно.

— Знаю, Тобор более чем на четыре часа опередил расчетное время.

Некоторое время оба молчали, глядя на экран.

— А знаете, Константин Дмитриевич, из вас мог бы получиться неплохой ученый, — неожиданно оживился Петрашевский.

— Ну, что вы, Акс... Аким Ксенофонтович, — быстро поправился альпинист.

— Seriously. Я начал давно присматриваться к вам. Еще три

года назад, когда мы пригласили вас, чтобы выработать у Тобора технику скалолазания. Вы очень проникательный молодой человек. У вас, багенька, аналитический склад ума, а это не так часто встречается...

— Мое дело — горы, — пробормотал Костя, несколько сбившись с толку поворотом разговора.

Петрашевский улыбнулся:

— Горы без вас обойдутся.

— Они-то без меня — да, но не я без них...

— Вот что, голубчик, — решительно сказал Петрашевский. — Переходите-ка вы к нам, в ИСС. У нас, после того, как запустим этого красавца в серию, — кивнул он в сторону экрана, — работы ой сколько будет.

Альпинист покосился на собеседника: не смеется ли тот над ним?

— Ну какой из меня ученый, Аким Ксенофонович? — проговорил он. — Да я себя тут, в зале, каким-то инородным телом чувствую, честное слово.

— И зря.

— Я со школьной математикой все время не в ладах был, — выложил альпинист.

— Не в математике дело. Знания — дело наживное. Главное — умение правильно мыслить. Вы, Костя, прямо-таки генератор идей. Такие люди нужны институту как воздух, — заключил Аким Ксенофонович.

Между тем испытание продолжалось. Тобор преодолевал километр за километром, хотя ему сильно мешал не на шутку разыгравшийся ураган.

Кто-то из ученых заметил, что на этом участке Тобору сподручнее было бы перемещаться на гусеничном ходу. Реплика сыграла роль спички, поднесенной к сухому валежнику: в зале тотчас разгорелся спор.

Точнее сказать, то был отголосок и продолжение давних споров, которые, единожды начавшись, не затихали никогда. Они возникли, когда обсуждался вопрос, как должен перемещаться в пространстве Тобор, который только что покинул «материнское лоно» — камеру белкового синтеза.

Одни предлагали поставить Тобора на гусеницы, другие — на колесную площадку. Академик Петрашевский, бессменный координатор гигантского проекта «Тобор», выслушал всех и сказал:

— Шаги, шаги и только шаги! Бег — пожалуйста! Прыжки — превосходно! Природа за миллионы лет эволюции не придумала колеса, и это неспроста. Будущее — за шагающими и прыгающими механизмами...

Суровцеву припомнилось, как четыре года назад он переступил порог Института Самоорганизующихся Систем. Юный бионик только что окончил биологический факультет МГУ и получил — жутко ему повезло, просто сказочно, весь курс заповодов! — назначение в Зеленый городок.

Тогда споры о способе передвижения Тобора были в самом разгаре, и Иван без оглядки ринулся в них.

— К чему вообще Тобору ползать по земле? — сказал он од-

нажды, когда Аким Ксенофонтович вошел в лабораторию. — Дадим ему крылья — пусть летает! Разве это сложно?

— Несложно, — согласился академик.

— Двигательный аппарат птицы давно промоделирован.

— И это верно, — охотно согласился Петрашевский и продолжал: — К этому нужно добавить, коллега, что наши белковые неплохо ориентируются в пространстве. Тем более белковый такого класса, как Тобор. Но прежде мы должны научить его перемещаться по земле, да так, чтобы любая преграда была ему нипочем. Без такого умения пользы от нашего Тобора будет на грош — что на Земле, что в космическом поиске.

— Пролететь проще, чем пройти.

— Не всегда, — улыбнулся Аким Ксенофонтович. — Кроме того, некоторые планеты, которые предстоит осваивать, лишены атмосферы. Тогда как прикажете?

— Срастить модель с реактивным двигателем.

— Представьте, мы тоже думали об этом. Часть серии мы снабдим двигателями, часть — крыльями. Но это все потом, потом... — махнул рукой Петрашевский. — Самое трудное — научиться ходить, прыгать.

— Прыгать?

— Именно, коллега! Человечество толком не научилось этому за тысячи лет своего существования. Знали, скажем, греки секрет дальнего прыжка, о чем свидетельствуют летописи древних Олимпиад. А потом секрет был утерян. Ну к древним Олимпиадам мы еще вернемся, Иван Васильевич, — пообещал тогда Петрашевский, уходя из лаборатории.

Нужно сказать, слово свое, как и всегда, Аким Ксенофонтович сдержал...

* * *

...Странное состояние испытывал Тобор. Странное и неприятное. Каждая клеточка его великолепного тела, казалось, непрерывно наливается тяжестью. Да, именно так электронный мозг мог бы подытожить ощущения.

Но отвлекаться не было времени.

Путь Тобору преградила каменная стена. Инженеры испытательного полигона сварили ее из обломков диабазовой скалы. Им, кстати, помогали другие белковые машины — предшественники Тобора, составляющие славу и гордость Зеленого городка.

Сначала Тобор, преодолевая свое состояние, тщательно осмотрел препятствие. Обойти стену нельзя. В таком случае прикинем ее толщину. Тобор включил лазерный зонд. «Около десятка метров у основания», — пришел он к заключению.

Принялся торопливо перебирать варианты. Мозг работал, как всегда, четко, только вот тело слушалось его все хуже и хуже.

Сделать подкоп?

Чуткие щупальца Тобора протянулись к основанию стены. Они снова и снова мяли, распатывали, рвали косную материю. Однако порода не поддавалась в точном соответствии с расчетами сопроматчиков.

Итак, оставалось единственное решение. Тобор пришел к не-

му довольно быстро, скостив с табло несколько штрафных очков, что вызвало ликование всех, кто собрался в сферозале.

Альпинист заерзал в кресле — снова пришел ему черед волноваться.

— Спокойно, Костя, — сказал Петрашевский, положив ему руку на плечо. — Будущий воспитатель белкового должен обладать железной выдержкой.

— Какова высота стены? — спросил Коновницын.

— Шестнадцать метров, — сказал Суровцев.

Тобор осторожно потрогал щупальцем острый алмазный шип. Такими шипами была обильно усеяна почва у подножия стены. Видимо, он вычислял степень риска в случае падения со стены.

Наконец белковый поднялся, его тело вытянулось и напряглось, словно струна. Казалось, он влип в скальную стену, в которую неунимающийся ураган продолжал швырять пригоршни колючего песка.

Несколько осторожных, ювелирно точных движений — и Тобор оторвался от земли и двинулся вверх по стене.

Теперь главную опасность представлял для него ветер, направление и силу которого в каждый последующий миг предугадать было невозможно.

Это было в высшей степени опасное предприятие: Тобора могло погубить одно-единственное неверное движение. Для него, не защищенного обычным панцирем и полем, падение на алмазные шипы означало мгновенную смерть. Белковый, конечно, осознавал это, тем не менее он упорно продолжал пядь за пядью продвигаться вверх.

— А вы говорите — Тобор осторожничает, — бросил Петрашевский, обращаясь к альпинисту.

— Но какова память! — восхищенно воскликнул на весь зал альпинист. — Он запомнил каждое движение, которое я хоть раз показал ему.

— Не память, батенька, а запоминающее устройство, — буркнул Аким Ксенофонович, наблюдая замедленные движения щупалец Тобора.

«Похоже, меня поразила та же болезнь, что и Тобора, — подумал Суровцев, преодолевая подступающую дремоту. — Сонная одурь какая-то...»

В попытке сосредоточиться он на несколько секунд прикрыл глаза, представил себе осеннюю тайгу, широко раскинувшуюся там, за куполом сферозала.

Открыв глаза, Суровцев увидел, что Тобор достиг верхушки стены.

Полоса острых шипов по другую сторону стены была построена с таким расчетом, что белковый мог перескочить через нес, лишь напрягши до предела все без исключения мышцы.

В чем-чем, а уж в прыжках своего воспитанника Суровцев был уверен. Этот вид перемещения в пространстве был отработан на учебных полигонах института, как говорится, на совесть.

...В том, что прыжки — вовсе не такая простая штука, как кажется на первый взгляд, молодой специалист Иван Суровцев убедился довольно скоро. Выяснилось, что нет на свете хит-

рее такой вещи, как научить прыгать разумную белковую систему, которая слушается тебя с первого раза. Нет, не просто прыгать — правильно прыгать. Ну хорошо. А что же это значит — правильно прыгать?..

Весь опыт прыгающих земных существ пришлось пустить в ход. Весь — от тушканчика до кенгуру. В ИСС изучали строение волокон их мышц, угол прыжка, стартовую скорость, дальность полета — да мало ли что еще!

В те времена, когда Тобора учили прыгать, первое место на стеллажах институтских лабораторий занимали бесчисленные рулоны пленок. На километрах лент были запечатлены разнообразные существа, либо распластавшиеся в прыжке, либо готовящиеся к нему, либо уже приземлившиеся...

Суровцев, как и его коллеги, часто задумывался над утраченным секретом античных стадионов, тайной сверхдальнего прыжка, которой владели тогдашние легкоатлеты.

...Прилетев в первый раз в Грецию (потом-то он бывал здесь не раз, бесплодно пытаясь раскрыть мучившую не его одного тайну), Иван Суровцев долго стоял перед мраморной плитой, потемневшей от времени. Плита оливкового цвета как бы обуглилась по краям, мелкие трещины разбежались по ее поверхности, словно морщины на старушечьем лице.

Снова и снова перечитывал Иван надпись на плите, которая гласила, что достославный Фаилл во время оно прыгнул в длину на много ни мало на шестнадцать метров...

«Мы говорим о прогрессе в спорте, — подумал тогда Суровцев, тщательно переписывая в записную книжку надпись, выбитую на плите. — Но вот прошло несколько тысячелетий, и во второй половине двадцатого века (нашей, разумеется, эры!) во время Олимпиады в Мехико Р. Бимон пролетел примерно вдвое меньше. И что же? Его прыжок был объявлен фантастическим спортивным достижением — да так оно и было. Так о каком же прогрессе в спорте может идти речь?!»

Потом Иван долго бродил среди развалин, по территории древней Олимпии, которую Высший Совет Земли объявил заповедной зоной.

Кое-что, в соответствии с древними документами, было реставрировано.

Вновь бурлил многоводный Алфей, долина которого и явилась колыбелью Олимпийских игр эллинов. Вокруг громоздились горы и холмы, сглаженные временем.

Суровцев перешел по бревнышку через русло высохшего ручья и по еле приметной тропке поднялся на гору. Нещадно палило солнце, пахло полынью, мятой, по обе стороны тропинки самозабвенно стрекотали цикады. «Сколько же тысяч ног прошло по этой каменистой почве?» — подумал Иван, вытирая лоб. Ему показалось, что здесь, на земле Эллады, явственнее, чем в любой другой точке Земли, ощущаешь преемственность поколений... Только, увы, не полную. Кое-что на этом поступательном пути теряется — и, быть может, безвозвратно.

На вершине Суровцев остановился. Отсюда хорошо был виден окаймленный кустарником храм Геры, супруги Зевса, который недавно восстановили. Близ этого храма проходили Геройды — женские спортивные игры, подобные Олимпиадам.

За храмом Геры выстроилось в ряд несколько строений — каждое на свой лад. Порттики, арки, колоннады... Каждый независимый город Древней Эллады почитал за честь выстроить здесь собственное здание, в котором хранились богатые дары Олимпии.

Немало пришлось повозиться реставраторам с портиком Эхо. Древние не ведали усилителей и микрофона: глашатай объявлял победителей в этом портике, и хитрое эхо семикратно повторяло их имена. Не так ли некогда прозвучало здесь и имя Фаилла, секрет прыжка которого Суровцев пытается ныне раскрыть, чтобы подарить его Тобору?..

Нет, секрет этот так и не удалось раскрыть, хотя несколько раз казалось, что решение вот-вот отыщется. Но поиск не пропал даром — ученые Зеленого городка кое в чем обогатились.

И уж, во всяком случае, все, что знали они о технике прыжка, было тщательно привито Тобору.

...Итак — финальные испытания, Тобор на верхушке каменной стены, у подножия — оцетинившиеся стрелы шипов.

Глядя на экран, Суровцев перенесся из долины Алфея в нынешний день.

Тобор сжимается, словно стальная струна, и прыгает. Все вроде бы правильно — Суровцев готов голову дать на отсечение: и стартовый угол, и толчок, и наклон тела перед прыжком. И однако, еще когда Тобор находился в воздухе, Суровцев понял, что сейчас произойдет.

Нет, это не прыжок Фаилла!

Тобор не сумел перескочить «шкуру дикобраза», и щупальце его напоролось на шип.

Суровцев чуть не вскривнул, представив себе, какую боль испытывает сейчас его воспитанник. Ведь отключить болевые ощущения, чтобы избавиться от них, Тобор не имел права. Без боли сложная белковая система вообще не могла бы существовать: боль — это сигнал из определенного участка тела, что там не все благополучно. Боль в данном случае — регулятор обратной связи, без которой нет жизни...

Коновницын огорченно крикнул.

— Бедняга Тобор!.. — только и произнес Аким Ксенофонтович, глядя на белкового, который, подволакивая щупальце, продолжал путь.

Каждый понимал, что теперь, после травмы, положение еще более осложнилось — теперь судьба всего экзамена могла быть поставлена под угрозу.

Между тем, преодолев кое-как участок ураганов и бурь, Тобор нырнул в Трехмерный Лабиринт. Здесь его поджидали препятствия другого рода, требующие не столько силы и ловкости, сколько напряженной до предела работы мозга.

В Лабиринте дела у Тобора пошли получше, и настроение у людей в зале поднялось.

Кстати сказать, ведь и для людей экзамен Тобора был не легким испытанием. Дело в том, что доверить экзамен машинам было невозможно, пусть даже самым умным и совершенным. В конце концов, и испытывалась-то не машина, а нечто гораздо большее. Нельзя было и раздробить экзамен на не-

большие отрезки времени, что было бы для людей, несомненно, облегчением.

Тобора необходимо было испытать, что называется, на едином дыхании.

Единственное, на что согласились скрепя сердце члены приемной комиссии, «учитывая несовершенную природу человека», как сказал Коновницын, — это разбить испытание на три равных периода, каждый из которых должен был составить сутки. Больше, чем сутки, человек не выдержит без отдыха. А если и выдержит — внимание неизбежно притупится. Человеку после напряженной работы необходимы несколько часов отдыха. Человеку, но не Тобору: это было аксиомой для каждого учебного Зеленого городка.

Тобор продолжал споро решать загадки Лабиринта, намного опередив расчетный график. Одну за другой щелкал он логические головоломки, не поддающиеся программированию.

Кое-кто, не покидая места, заказал по чашечке кофе. Есть никому не хотелось.

Суровцев, вытащив из кармана калькулятор, с которым никогда не расставался, с головой ушел в сложные расчеты.

— Я вот хотел спросить у вас, Аким Ксенофонович... — произнес альпинист.

— Да, Костя? — подбодрил Петрашевский.

— По каким законам возникают воспоминания?

— Воспоминания?

— Вот, например, один человек рассказывает о чем-то, вспоминает прошлое. Или пережитое. А второй слушает его — и вспоминает свое...

— Вы имеете в виду цепочки ассоциаций?

— Вот-вот, — обрадовался альпинист. — Есть какая-то закономерная связь между двумя такими воспоминаниями?

— Видимо, какая-то корреляция должна быть, — сказал задумчиво Аким Ксенофонович. — А знаете, батенька, это могла бы быть тема важного научного исследования, — добавил он и черкнул строчку в раскрытом блокноте.

— Когда вы рассказывали о битве на Волге, — продолжал альпинист, — я сразу вспомнил город, в котором родился и живу.

— А где вы живете?

— В Магистральном.

— Давно собираюсь побывать в Магистральном, да вот не выберусь никак. Вот сдадим Тобора в серию — и нагрянем к вам с Иваном Васильевичем.

Суровцев услышал свое имя и кивнул, не отрываясь от калькулятора, хотя, быть может, и не расслышал толком, о чем идет речь.

— Примете? — спросил Петрашевский.

— По первому разряду! — оживился альпинист. — У нас есть что посмотреть. Например, подлинную технику, которой пользовались строители Байкало-Амурской магистрали: самосвалы, экскаваторы, вертолеты. И еще у нас есть рубленые избы, даже палатки, в которых строители жили поначалу...

К их разговору начали прислушиваться. Пока испытание шло

гладко, люди получили возможность на несколько минут расслабиться.

— Вы, наверно, всю магистраль знаете, Константин Дмитриевич? — вступил в беседу Коновницын.

— Как свои пять пальцев. Я пешком прошел ее несколько раз из конца в конец.

— А какое место на магистрали самое интересное? — спросил неразговорчивый усац.

— Трудно сказать... — задумался Костя. — У нас там каждый город имеет свое лицо: Пурикан, Силип, Штурм. Вся магистраль — живая история.

— Да, вернемся к началу нашего разговора, Костя, — сказал Петрашевский. — Какое отношение имеет ваш город к битве на Волге? Война ведь не докатывалась до Магистрального.

— Во время Отечественной войны этого города вообще-то на свете не было, — подтвердил альпинист.

— Вот видите.

— И все-таки мой город самым прямым образом связан с Волгоградом! — продолжал альпинист. — Тут ассоциация прослеживается четкая. Эти два города связывают... рельсы.

— Рельсы?

— Да, обычные стальные полосы, которыми пользовались транспортники до появления машин на воздушной подушке.

— Разве эти два места в то время были связаны рельсами? — удивился Петрашевский. — А я-то полагал, что достаточно знаю двадцатый век.

— Нет, было иначе, Аким Ксенофонович. У нас в Музее БАМа хранятся рельсы. На них можно заметить следы пуль, осколков и пламени...

— Что же это за рельсы?

— О, это рельсы не простые... Это самые первые рельсы, которые уложили в тело магистрали. Ее начали строить задолго до вражеского нашествия. Ну а потом грянула война. Великая Отечественная... В битве на Волге решалась участь страны, судьбы всего мира. Нашим саперам рельсы срочно понадобились, чтобы навести переправу через Волгу, взамен разбомбленной. Рельсы сняли с магистрали и отправили их на Волгу... Через много лет после войны рельсы разыскали и вернули на берега Амура. Это был первый экспонат музея, посвященного Байкало-Амурской магистрали, — закончил Костя.

...Тобор преодолел Лабиринт. Сегодняшний цикл предполагал еще два испытания.

Перед Тобором выросла конструкция неизвестного ему назначения. Белковому предстояло исследовать ее. Не исключено ведь, что и такого рода задачи придется решать ему в экспедиции на Бета Лиры...

Теперь роль Тобора на время сменилась. Он перестал быть связным между группой космонавтов, попавших в беду, и материнским кораблем, который должен прислать помощь. Белковый стал разведчиком — испытателем новой планеты...

Металлические плоскости, пластиковые закругления поблескивали в лучах прожекторов. Конструкция поражала не столько размерами, сколько сложностью и необычностью.

Тобор произвел фотосъемку объекта с нескольких точек, затем сделал наружные замеры, взял пробу на радиацию, после чего открыл массивный люк и бесстрашно двинулся внутрь.

Вскоре на боковом экране начали выскакивать символы и цифры, которыми сыпал Тобор, приступивший к исследованию внутреннего строения объекта.

Монтажеры, сидевшие в зале, только кивали удовлетворенно, сверяя информацию робота со своими данными.

Вскоре Тобор решил общую задачу, определив, что установка предназначена для синтеза ядер тяжелых элементов.

— Двести штрафных очков долой! — воскликнул Суровцев.

Погасли прожекторы, растаяла вдали оставленная Тобором установка. На дальнем полигоне сгустились сумерки. И вскоре далеко перед белковым, там, на самом краю условного мира, сурового и странного, запылали малиновые зарницы.

— Вечерняя заря? — спросил Костя, невольно заражаясь общим волнением.

— Отблески лавы, — отвечал Суровцев.

Да, предстояло последнее испытание, венчающее сегодняшней цикл...

Тобор поднимался в гору, которая вновь напомнила Ивану холмы Греции.

Как только не старались Суровцев и его коллеги раскрыть секрет прыжка древних атлетов! Они собирали о древних Олимпиадах всю информацию, какую только удавалось отыскать, и просеивали ее сквозь сито ЭВМ в надежде, что хоть какие-то нужные им крупинки осядут в ячейках логических схем. Каких только предположений не строилось по поводу фантастических этих прыжков!

Были и такие в ИСС, кто попросту сомневался в достоверности древней надписи, выбитой на мраморной плите. Таких, правда, были единицы. Потому что до этого бывало уже не раз: археологи обнаруживали на территории, где проходили античные Олимпиады, очередную плиту, надпись на которой казалась немислимой, а потом оказывалось, что она отвечает фактам с документальной точностью...

Ну а с Фаиллом как же обстоит дело?!

Доведенный до отчаяния неудачными попытками расшифровать секрет его прыжка, Суровцев однажды ночь напролет пробрался в долине Алфея. Ему казалось: исчез мост протяженностью в несколько тысячелетий, отделяющий его от античного мира. Вокруг звучали голоса атлетов и гостей, которые со всех концов Эллады съезжались на очередную Олимпиаду. Остать бы одного из них да расспросить хорошенько!..

Вот Иван не спеша приближается к длинному двухэтажному зданию, перед которым выстроился целый лес колонн. Пересчитывает — их сто тридцать восемь. Память фиксирует мельчайшие детали, и каждая выпукла, зрима, рельефна.

У здания царит большое оживление, люди суетятся, несут узлы, баулы. «Это Леонидион, — догадывается Суровцев, — олимпийская гостица для почетных гостей. По свидетельству историков, равной ей по величине и комфорту нет и в Афинах...»

Он жадно ловит реплики, обрывки разговоров: вдруг среди них мелькнет то, что никак не дается в руки!

Быть может, секрет прыжка в особой разминке? В специальной тренировке? Быть может, ему способствует — чем черт не шутит! — то, что эти атлеты перед спортивным состязанием натирают тело оливковым маслом?

Особые надежды воспитатели Тобора возлагали на прыжок с грузом. Изображения этих особых гантелей, выполненных из металла либо камня, имелись на многих древнегреческих вазах? И все эти изображения, как и прочая информация, связанная с прыжками древних, собирались на отдельные информационные блоки. Да-да, те самые, которым под конец Аксен придумал столь неожиданное применение.

Блуждая в долине бурного Алфея, Иван мысленно твердит описание грузов для прыжка, данное Павсанием, — вероятно, каждый в ИСС помнит это место наизусть. «Эти гири, — пишет Павсаний, — имеют такой вид: посередине они представляют собой несколько удлинённый, не совсем правильный круг-диск. Он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук таким образом, как через ручку щита». Могло ли прийти в голову Павсанию, что эти гантели будут сжимать не только руки, но и... щупальца?!

...Да, Тобор прыгал и с грузом тоже. Для него умудрились раздобыть подлинные гантели, которыми пользовались древние олимпийцы.

Ничего не получилось — Тобор с грузом прыгал хуже.

Тогда пригласили на учебный полигон Зеленого городка лучших легкоатлетов Земли, прыгунов-рекордсменов: результат был тот же.

Чего только не делали воспитатели, на какие ухищрения не пускались! Они варьировали вес гантелей от полутора до четырех с половиной килограммов, следуя все тому же Павсанию. Испытывали разные способы прыжка. Увы!..

Многочисленные статуи, полускрытые ночной листвой, облитой лунным сиянием, глядят на странного гостя, так кажется Ивану, с насмешкой. Не вчера ли вышли эти фигуры из-под резца Праксителя или Фидия?

...Молча глядит на пришельца Зевс-Громовержец, восседающий на золотом троне под сводами олимпийского храма. И Суровцеву вдруг чудится, что на троне вовсе и не Зевс, вырезанный из слоновой кости, а Фаилл. Легендарный прыгун едва заметно улыбается Ивану... Впрочем, ничего странного, думает тот, что Фаилл очутился на троне. Ведь древние греки победителя Олимпиады считали равным богу...

Больно ударившись локтем об угол калькулятора, Суровцев пришел в себя.

Тускло мерцал экран. Тобор, волоча поврежденное щупальце, продолжал подъем, который становился все круче. Отблески пламени вдали становились ярче и как бы оживали, приобретая подвижность.

Потирая ушибленное место, Суровцев снова подумал, что своей последней акцией Аксен, пожалуй, дал маху. Он вернулся мыслями к событию, происшедшему накануне испытаний Тобора и взволновавшему весь коллектив ИСС.

Все дело в том, что объем памяти Тобора хоть и велик, но, естественно, не беспределен. Забота ученых — заполнить его той, и только той информацией, которая будет впоследствии необходима белковому. Не мудрено поэтому, что каждый отдел института «сражается» со всеми прочими буквально за каждый лишний бит информации, который можно вложить Тобору. (По этому поводу знакомый художник Суровцева по его просьбе нарисовал ядовитую карикатуру для институтской стенгазеты: начальники многочисленных отделов группы «Тобор» гонятся друг за другом, хватают один другого за руки, за полы пиджаков. Внизу — подпись: «Нет ли у вас лишнего БИТИКА?»)

И тут вдруг Аксен своей властью делает нечто, с точки зрения Суровцева, совершенно несусветное. Да еще перед самым экзаменом!.. Академик забирает у Тобора несколько блоков информации, уже привитой ему и согласованной в жарких спорах на семинарах, и дает белковому взамен для усвоения другие... Сам по себе этот факт возражений вызвать не может — в конце концов, руководитель проекта имеет на это право. Все дело в том, какие именно блоки дал Тобору Петрашевский. А дал он ему всю информацию, которую сотрудникам ИСС удалось наскрести... об атлетах Древней Эллады, об античных прыгунах.

— Никчемущная затея, Аким Ксенофонович, — сказал ему Суровцев, узнав о распоряжении шефа.

— Посмотрим, батенька, посмотрим, — возразил Петрашевский.

Разговор их происходил в той же лаборатории, где юный Суровцев, приехавший по назначению в Зеленый, впервые познакомился со знаменитым академиком.

— Мы-то ведь не сумели извлечь из этой груды информации, которой вы загрузили Тобора, ни единого жемчужного зернышка, — продолжал атаку Суровцев. В результате акции Петрашевского его отдел пострадал больше прочих.

— Мы не смогли, авось Тобор сумеет.

— У него на это времени не остается! — воскликнул Иван Васильевич.

— Не согласен, коллега, — покачал головой Петрашевский. — Время для робота течет не так, как для человека. И еще одну вещь вы забываете... Экзамен для нашего детища — высшее напряжение всех его сил, всех возможностей.

— Мы примерно представляем себе...

— Не совсем так, батенька, — мягко перебил его Аким Ксенофонович. — Попав в чрезвычайные обстоятельства, Тобор сможет и мыслить по-другому, на другом уровне. Например, как человек, который в минуту смертельной опасности может совершить такое, что ему абсолютно не под силу в спокойной обстановке.

— Тобор — не человек.

— Не спорю. Но наше дело, наш долг, если хотите, — сообщить Тобору все, что мы, люди, знаем о прыжке как о способе перемещения.

— Но мы предоставим Тобору все современные данные по теории прыжка, — сказал Суровцев. — Разве этого мало?

— Я пришел к выводу, что мало, Иван Васильевич. Поймите, прыжки — основной способ передвижения Тобора по твердой поверхности. Посмотрим, насколько он способен самостоятельно решать задачи...

...Суровцев отяжелевшим взглядом следил, как Тобор движется навстречу главному испытанию дня. Двигается, отягощенный грузом штрафных очков, с поврежденным щупальцем, в непонятно почему замедленном ритме. Последнее больше всего беспокоило испытателей.

Вдали показалась сопка, над которой курился синий дымок. Пеповоротливые клубы подсвечивались снизу языками пламени, казавшимися мирными и неопасными.

Время от времени Тобор останавливался на мгновение, фиксировал круговую панораму, затем двигался дальше, и следом прыгала тень, огромная и угловатая.

Последний перевал — и перед Тобором открылся вулкан.

Трансляторы на несколько секунд показали кратер. Экран наполнился нестерпимым светом, все зажмурились.

В глубине жерла перекатывались тяжелые волны огнедышащей лавы, и Суровцеву почудилось на миг, что в лицо пахнуло звоном, словно он находился там, рядом с Тобором.

Белковый сделал последний шаг, и два передних щупальца его, словно два мамонтовых хобота, повисли над пропастью. Мелкая базальтовая крошка, потревоженная тяжелым Тобором, двумя тоненькими струйками потекла вниз. Достигнув поверхности лавы, они мгновенно превратились в два облачка пара. Тобор стоял неподвижно, наблюдая, как два облачка вспухают, сливаясь постепенно в одно облако.

— Остановите Тобора, Аким Ксенофонтович! — неожиданно для себя выкрикнул альпинист, нарушив хрупкую тишину зала. — Он погибнет. В таком состоянии ему не перепрыгнуть кратер!..

От крика Петрашевский поморщился, но ничего не ответил.

— Отдайте команду, остановите испытания! — вмешался Коновницын, обращаясь к академику.

От ярко светящегося экрана в зале стало светлее, и Суровцев увидел, как при словах Коновницына побелело лицо Акима Ксенофонтовича.

— Отдать команду, остановить их — значит сорвать испытания, — тихо проговорил он. — Тобор получит оценку «нуль».

— А если Тобор погибнет?

— Тобор не погибнет, — произнес Петрашевский. — Я это знаю, Сергей Сергеевич.

И столько спокойной уверенности было в его голосе, что Коновницын, видимо, заклебался.

— Под вашу ответственность, Аким Ксенофонтович, — бросил он наконец.

Петрашевский кивнул, будто ничего другого и не ждал. Только по тому, как руки его сжали подлокотники, Суровцев понял, что происходит сейчас в душе старого академика.

На экране хорошо было видно, как мерно подрагивает сопка. Тяжелые серные испарения просачивались сквозь трещины и изломы породы, вырывались наружу, словно пар из прохуdivшегося котла. Далекий противоположный берег кратера тонул

в розовой дымке испарений. Обойти пропасть нельзя. Ее можно было только перепрыгнуть.

Тобор, пятясь, отошел на десяток метров от края пропасти. — Готовит место для разбега, — прошептал альпинист.

Но альпинист ошибся.

Тобор приблизился к пику, который одиноким зубом торчал на самом краю небольшого плато, расположенного перед вулканом. Потрогал верхушку скалы, словно что-то прикидывая, затем обхватил ее щупальцем и с силой рванул, выломив изрядный кусок базальтовой породы.

— Хотел бы я знать, что у него сейчас на уме... — пробормотал альпинист, как зачарованный глядя на экран.

Тобор, примерившись, точно рассчитанным ударом об основание скалы разбил обломок на две части примерно равного объема. Подержал их на разведенных в стороны щупальцах, сравнивая вес. Затем принялся оббивать один из обломков, добиваясь, чтобы веса их сравнялись. Чувство гравитации, так же как и другие, было у Тобора абсолютным.

«В каждом обломке килограммов по полтораста», — прикинул машинально альпинист. Он начал догадываться, с какой целью готовит Тобор тяжелые обломки, и беспокойно заерзал в кресле.

— Неужели Тоб решил прыгнуть с грузом? — шепнул наконец альпинист.

Суровцев буркнул:

— Боюсь, что да.

— Но ведь Тобор с грузом прыгает хуже, чем без груза, — заволновался альпинист. — Мы же многократно проверяли рецепт Павсания... Иван, что же ты молчишь?



Суровцев пожал плечами.

— Аким Ксенофонтович! — схватился Костя за руку Петрашевского. — Теб не допрыгнет и до середины. Остановите испытания!..

— Если Тобора что и может сейчас спасти, Костя, так это груз, — мягко произнес Петрашевский, забирая руку.

Тобор жажал в каждом из передних щупалец по увесистому обломку и отодвинулся на самый край плато. Затем, тяжело разогнавшись на свободных щупальцах, оттолкнулся от края кратера. Одновременно щупальца с грузом он вытянул перед собой. Затем резко отвел их назад, за туловище.

Это походило на чудо. Это был полет, настоящий полет, хотя и без крыльев.

Когда до противоположного края пропасти оставалось с десятков метров, Тобор с силой отбросил прочь от себя оба обломка. При этом скорость его увеличилась.

Коновницын крикнул с досадой: Тобору не хватило нескольких сантиметров, чтобы допрыгнуть до края пропасти. Однако он сумел дотянуться до края освободившимися от груза щупальцами, которые намертво присосались к горной породе.

Собравшись с силами, он подтянулся на щупальцах и выбрался из жерла вулкана.

По просьбе Коновницына был воспроизведен прыжок Тобора в замедленном темпе. Прыжок с грузом повторяли еще и еще, а Сергей Сергеевич хмурился, вглядываясь в экран, и взгляд его был непроницаем.

После этого светящаяся поверхность экрана медленно погасла — первый день испытаний закончился. Успешно или нет — это еще предстояло решить, настолько необычны и противоречивы были его результаты.

Вспыхнули панели освещения. Несколько секунд люди сидели молча, все еще во власти только что виденного, затем начали шумно подниматься с мест, разом заговорили. Да, материала для обсуждения хватало с избытком...

— Честное слово, в горах приходилось легче, — проговорил Костя, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Коновницын взял Петрашевского под руку, и они медленно двинулись к выходу.

— Есть разговор, Аким Ксенофонтович, — сказал председатель Государственной приемной комиссии. «И, боюсь, нелегкий», — добавил он про себя.

Шагая чуть быстрее, их обогнал Суровцев. Петрашевский посмотрел на него, затем перевел вопросительный взгляд на Сергея Сергеевича.

— Ваш заместитель нам не мешает... Что с вами? — воскликнул Коновницын, глядя на бледного Суровцева. — Не надо так убиваться!

— Ничего... Пройдет, — пробормотал Иван, придерживаясь за спинку кресла.

Голова Суровцева раскалывалась от боли, ноги были словно ватные. И снова, как и несколько часов назад, у него возникло ощущение, что во время испытаний он упустил нечто важное. Но что же именно? То ли какой-то штрих в действиях Тобора на полигоне, который мог бы дать ключ к разгадке странно-

стей в его поведении? То ли дельную реплику кого-то из коллег? Мысль ускользала, не давалась.

У выхода Суровцева с таинственным видом поманил в сторону Костя.

— На два слова, Ваня, — шепнул он, увлекая приятеля в укромный уголок фойе, за пальму.

Иван приклонился щекой к шершавому стволу:

— Говори.

— Вы сейчас будете решать судьбу Тобора... Ну, не судьбу — вечно я нужное слово не могу найти. В общем, будете итоги первого дня подводить. Так, что ли?

— Что там подводить, — попытался улыбнуться Суровцев. — Все итоги — на штрафном табло.

— Не темни, Иван. Я же видел, какие лица у Коновницына и Аксена. Мрачнее тучи!

— К делу, — попросил Суровцев.

— Табло — это еще не все, Иван, — чутьчку торжественно выложил альпинист, видимо, давно заготовленную фразу. — Разве поступки человека можно оценить только в цифрах да баллах? Погоди, — схватил он его за рукав, когда Суровцев сделал движение. — Ты же знаешь, Тобор спас мне жизнь. Рискуя собственной!

— Все учтем, Костя...

— Неужели вы прервете испытания?

Суровцев вздохнул:

— Не я решаю это, дружище.

— Но они тебя пригласили, я видел, — горячо проговорил альпинист.

— Ну и что?

— Убеди их, что Тобор не трус. Головой ручаюсь. Нет у него чрезмерно развитого, как его... инстинкта самосохранения.

— В таком случае, что же с Тобором приключилось?

Альпинист с виноватым видом развел руками:

— Если бы я знал, Ванюша...

— А еще переходить в ИСС собираешься! Аксен семь шкур с тебя спустит, если услышит «не знаю». Он таких слов не признает. Учти это.

— Может быть, и в самом деле не надо было учить Тобора этим проклятым прыжкам, — тихо сказал Костя. — Пусть бы передвигался на колесах. Либо гусеницах.

— Аксен прав: ты, Костя, прямо-таки генератор идей, — сказал Суровцев, прощаясь.

— Выспись как следует, Иван, — произнес ему вслед альпинист. — Ты не Тобор, тебе отдых нужен.

У выхода Суровцева поджидали Коновницын и Петрашевский. Остальные успели разойтись.

— Пройдемся, — предложил Коновницын.

Вечерело, и пластиковые дорожки, разбегающиеся в разные стороны от купола, начинали светиться. Долго шли молча — никто не хотел начинать тяжелый разговор.

— Вы куда сейчас, Сергей Сергеевич? — первым нарушил затянувшуюся паузу Петрашевский.

— Нужно малость прийти в себя, — вздохнул Коновницын. — Пойду к себе в гостиницу. Это, конечно, не Леониди-

он, о котором рассказывал нам Иван Васильевич. Ну, да и я ведь не являюсь почетным гостем Олимпиады.

Петрашевский и Коновницын шли по дорожке, с которой садовый робот, видимо, совсем недавно сгреб опавшие листья. Суровцеву дорожки не хватало, и он шагал рядом, по жухлой траве, тяжело переставляя ноги.

— Да, завтра нам всем опять предстоит нелегкое испытание, — подхватил Петрашевский.

— Нам, пожалуй, приходится не легче, чем Тобору, — вставил Суровцев.

Коновницын замедлил шаг и сказал:

— Давайте признаем: Тобор оказался неподготовленным к экзамену. Замысел интересен, согласен. Но модель явно не дотянута. Поспешили вы приглашать комиссию.

— Трассу дня он прошел, — произнес Петрашевский.

— А какой ценой? — воскликнул Коновницын. — Сколько штрафных очков он заработал? Мнение членов комиссии мне известно — я успел с ними переговорить. Оно у нас единое.

— Во время генерального прогона, накануне экзамена, Тобор показал... — начал Петрашевский, но Коновницын с живостью перебил его:

— Аким Ксенофонович, миленький, да поймите же! Предыстория нас не интересует и интересоваться не может. Если бы дело обстояло иначе, зачем нужны были б экзамены?

Суровцев опустил голову: возразить было нечего. Но его шеф не собирался без боя сдавать позиции.

— Хорошо, Сергей Сергеевич. Давайте говорить только о сегодняшнем цикле, — согласился он. — Разве сегодня Тобор занимался только тем, что набирал штрафные очки? А Трехмерный Лабиринт, который он прошел быстрее, чем планировалось?

— А как Тобор справился с установкой для ядерного синтеза? — добавил Суровцев. — Он на ней добрых двести очков сбросил.

— Не спорю. Однако в звездной экспедиции Тобору предстоит решать не только логические головоломки, не только задачи на сообразительность.

Помолчали.

— А вулкан, через который Тобор перепрыгнул? — выложил Петрашевский главный козырь.

— Насчет вулкана разговор особый, Аким Ксенофонович, — сказал Коновницын. — Прыжок с грузом был великолепным, признаю. И знаю, что тут главная заслуга принадлежит вам, академик.

— Не о том речь...

— Именно о том. Это была великолепная идея — насытить память белкового полной информацией о прыжках древних атлетов с тем, чтобы он в критических условиях поискал решение, которое нам самим неизвестно!.. Но согласитесь, товарищи, — продолжал Коновницын, апеллируя к Петрашевскому и Суровцеву одновременно. — Тобор сегодня перепрыгнул пропасть опять-таки благодаря смекалке, а не силе собственных мышц. Признаю, Тобор попутно сделал большое открытие — он показал нам, людям, как прыгали с грузом древние легко-



атлеты. Это для наших спортсменов — ценный, а лучше сказать, бесценный подарок...

«Хочет пилюлю подсластить», — невесело подумал Суровцев.

— Кстати, у меня попутный вопрос к вам, как руководителям ИСС, — сказал Коновницын. — Вот вы говорили о генеральном прогоне Тобора накануне экзамена.

— Да? — вскинул голову Петрашевский, не понимая, с какой стороны ждать подвоха.

— Прыжок через пропасть входил в прогон?

— Да.

— Пропадь была такая же, как сегодня?

— Даже пошире.

— И Тобор одолел ее?

— Да. В обычном прыжке, — обрадовался Петрашевский. — Я же говорю, Сергей Сергеевич, что Тобору по силам...

— Минуточку, — жестом остановил его Коновницын. — Дело-то обращивается против вас. Тобор на предварительном прогоне без груза ведь прыгал?

— Без груза, — подтвердил Суровцев.

— Вот мы и подошли к главному, — сказал Коновницын. — Кому нужен аппарат, который не обладает надежностью? Кому нужна машина, которая сегодня ходит отлично, а завтра буксует в первой попавшейся канаве?

— Но сегодняшний прыжок Тобора... — начал Иван.

— Войдет во все учебники легкой атлетики, — раздраженно закончил Коновницын. — И все равно прыжок Тобора с грузом — частное решение задачи, хотя и остроемное. А мы должны быть уверены, что он в состоянии решать общие задачи. Причем решать с запасом надежности, без проколов. Вот этой

уверенности у комиссии, увы, нет. Поэтому мы предлагаем прекратить испытание Тобора.

После паузы председатель Государственной приемной комиссии добавил:

— Нельзя рисковать Тобором.

За поворотом аллеи показалось здание гостиницы-подсолнуха. Огромный выпуклый диск ее, в котором располагались номера для приезжих, был обращен на запад, в сторону нырнувшего за горизонт солнца.

Они остановились перед гостиницей.

— Мы выясним, Сергей Сергеевич, что сегодня приключилось с Тобором, — сказал Петрашевский.

— Не сомневаюсь, — ответил Коновницын. — Но для этого нужно время.

— Попробуем за ночь справиться, — вступил в разговор Суровцев.

Коновницын пожал плечами:

— Несерьезно, товарищи. Ведь система Тобор доводилась, воспитывалась годами. Так что едва ли здесь поможет кавалерийский наскок. Исправление Тобора, Иван Васильевич, может продлиться не один месяц. Короче, завтрашнее испытание Тобора отменяется...

Петрашевский осведомился:

— Это мнение комиссии?

— Увы, да, Аким Ксенофонтович, — вздохнул Коновницын. — Я успел еще в зале перемолвиться с товарищами, и общая точка зрения ясна. Официальное решение комиссии мы вам вручим завтра, пусть люди пока отдохнут.

Суровцев и Петрашевский дождались, пока на гостиничном диске не вспыхнуло единственное окно, остававшееся темным и молча пошли по аллее.

— Непохоже, чтобы люди отдыхали, — сказал Суровцев, — Во всех домах горит свет.

— Кому сейчас до отдыха? — ответил Петрашевский.

— Я все время пытаюсь осознать: что же произошло с Тобором, Аким Ксенофонтович? Мы ведь каждую клеточку его знаем...

— Выходит, не знаем.

— И все-таки я чувствую: разгадка где-то на поверхности, — сказал Суровцев.

Они подошли к домику, который заняли вдвоем на время испытаний Тобора. Маленький двухкомнатный виниловый коттедж располагался на окраине городка, сразу за ним начиналась тайга.

— Ну что ж, все материалы по Тобору у нас с собой, — сказал Аким Ксенофонтович. — До утра остается несколько часов, чтобы попытаться счастья. А вам советую соснуть хоть немного, Ваня.

— Пройдусь немного, — решил Суровцев. — Тайгой осенней подышу.

— На ночь глядя?

— Именно на ночь глядя.

— Домой-то звонили?

— Нет,

— Зря.

— Жена спросит, как идут испытания, а что я ей скажу? — вздохнул Суровцев. — Подожду до утра. Авось что-то изменится...

— Оптимист, — покачал головой Петрашевский. — Оптимизм — самая ценная черта молодости. К сожалению, он проходит... вместе с молодостью.

— Вы сами займетесь схемами Тобора?

— Сам, — сказал Петрашевский. — Грешно отрывать людей от отдыха. Эти сутки выжали из них все. Да и... смысла особого не вижу, — добавил он негромко.

Светящаяся дорожка скоро кончилась. В глубь тайги вела робкая, почти неприметная тропинка. Вскоре Иван потерял ее и двинулся напролом, продираясь сквозь кусты.

Спелые звезды висели низко, над самыми макушками кедрочей, загадочно мерцая.

Стояло новолуние, тьма в лесу сгустилась, стала почти осязаемой.

Из-под ног с пронзительным криком выпорхнула ночная птица. Иван вздрогнул и остановился. «Куда же это я забрался?» — подумал он. В сознание разом ворвались ночные шорохи, запахи. Упоенно шелестели не успевшие опасть листья.

Суровцев зябко передернул плечами, глянул на светящийся циферблат часов: было половина второго! Напряжение дня понемногу спадало, он двигался теперь совсем медленно и подумал, что похож на Тобора в конце испытаний.

Почва пошла под уклон, потянуло сыростью. «Речка», — догадался Иван. Тысячу раз пролетал он над этой речушкой, направляясь из дому в институт и обратно, но только сейчас вот довелось подойти к ней.

Берег был топким. Тоненький, едва прорезавшийся серп молодой луны пролил неверный свет на торопливые волны. Они напомнили Суровцеву огненную магму, колыхавшуюся на дне кратера, через который предстояло перепрыгнуть Тобору. И ведь перепрыгнул же, черт побери. Да еще как! Стоп, кажется, он опять начинает заводиться.

Иван долго стоял, прислушиваясь к плеску реки. Ему вдруг ужасно захотелось искупаться. От поймы к речке вел довольно крутой спуск. Суровцев двинулся вниз, придерживаясь за ветви. Он небрежно сбросил одежду и шагнул в темноту. Холодная вода обожгла кожу. Речка оказалась не такой уж маленькой, как казалась сверху. Во всяком случае, было где поплавать.

Иван в четыре взмаха выплыл на середину реки, нырнул, выплюнул воду и, не удержавшись, совсем по-мальчишески выкрикнул:

— Здрóрово!

Позабыв о времени, он плавал, шлепал по воде, хохотал во все горло, распугивая ночную тишину. Это походило на безумие. Немного утомившись, он уцепился за какую-то корягу, торчавшую близ берега, и подумал вслух:

— Будь жив сэр Исаак Ньютон, он непременно открыл бы четвертый закон механики в дополнение к известным трем.

И сформулировал его хотя бы так: купанье в ледяной воде гонит усталость.

Стоп. Усталость?! Не о ней ли говорил что-то такое Костя днем, в сферозале? Пораженный неясной еще мыслью, Суровцев на несколько минут застыл, не обращая внимания на то, что коряга начала потихоньку погружаться под воду. Затем выскочил на берег — мягкий, податливый и адски холодный. Тяжело дыша, ежесекундно проваливаясь в бочажины, до краев полные воды, долго искал сброшенную впопыхах одежду. А, вот она. Рука наткнулась на тяжелый продолговатый предмет в кармане куртки. Батарейка! Совсем позабыл о ней. Батарейку сунул ему в карман сынишка, когда Суровцев уходил из дому, торопясь на испытания.

Иван торопливо оделся, включил фонарик, приладил его над собой в развилке между двумя ветками, достал калькулятор и, клацая от холода зубами, погрузился в расчеты.

Желтый узкий луч детского фонарика падал на захвачанные клавиши калькулятора, на синеватую пленку — на ней, повинувшись отрывистой скороговорке Суровцева, то выступали, то вновь пропадали структурные формулы белковой клетки. Сквозь чащобу формул, сквозь липкую вязь интегралов продирался он к истине, простой и непогрешимой, которая вдруг блеснула вдалеке. Великий миг откровения снизошел на него во время купанья.

Небо на востоке чуть посветлело, когда Иван оторвался наконец от калькулятора. Конечный вывод он оставил на пленке, вытащил карандаш и обвел его кружочком, поставив рядом четыре восклицательных знака.

Боже мой, так просто! Как он раньше до этого не додумался?!

Теперь оставалось как можно быстрее добраться до Акима Ксенофонтовича.

Между тем занялась поздняя зорька. Она разгоралась медленно, словно бы нехотя.

Идти было тяжело: все время приходилось петлять между деревьями. Наконец впереди показался просвет, и так и не отдохнувший Суровцев из последних сил прибавил шагу. Увы, это была всего лишь просека. Широкая, ровная — в ливеечку, она уходила вдаль, насколько хватал глаз, впадая рекой в бледную зарю. «Заблудился!..» — мелькнула мысль, от которой упало сердце. И впрямь вечером, идя к речке, он эту просеку не пересекал.

Мышцы сразу налились свинцом. Иван без сил прислонился к сосне, перевел дух.

«Если опоздаю к восьми, когда Тобор должен получить сигнал к возобновлению испытаний, тогда все, крышка, — подумал Суровцев. — Аксен едва ли сумеет переубедить Коновницына».

Сзади послышался слабый шум — так шелестят ветви, когда их осторожно раздвигают. Иван обернулся. В темных недрах тайги что-то шевелилось, надвигаясь на него.

Это было огромное и странное создание. В редяющей мгле угадывалось некое подобие узкой башни, высота которой превышала, пожалуй, десяток метров. Башня опиралась на плат-

форму, контуры которой терялись в предутреннем тумане, стлавшемся у самой земли. Башня слегка покачивалась из стороны в сторону, словно голова змеи перед броском.

Суровцев помотал головой, однако видение не исчезло. Хуже того, движущееся нечто продолжало к нему приближаться. Тогда Иван сжал в кулаке калькулятор, словно оружие, и шагнул навстречу чуду.

— Ты кто? — послышался резкий, нечеловеческий голос, лишенный каких бы то ни было интонаций, когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров.

Суровцев растерялся.

— Я? Человек...

— Это я вижу, — прозвучал откуда-то из недр то ли существа, то ли машины отрывистый голос. — Однако вид твой необычен, человек.

— Пожалуй, — согласился Иван, бросив на себя критический взгляд, и поправил подвернувшуюся на бегу штанину.

Теперь они стояли друг против друга, и Суровцев получил возможность рассмотреть получше удивительный феномен, который пока, к счастью, не проявлял никаких признаков агрессивности. Покачивающаяся башня высотой с трехэтажный дом, которая напоминала шею жирафа, увенчивалась узкой головой. Длинная пасть, приоткрывшись, обнажила такие ровные и острые зубы, что Суровцев непроизвольно сделал шаг назад.

Существо повело шеей и, приподняв голову, легко перекусило засохшую ветку кедрача толщиной с руку Ивана. Ветка с хрустом упала на землю.

В голове Суровцева мелькали мысли, одна нелепее другой.

Он рассмотрел, что вибрирующая платформа, образующая, так сказать, туловище чудуица, опирается не на колеса, а на целую систему гибких щупалец. «Как у Тобора», — подумал он.

Иван машинально глянул на часы. Половина восьмого. До Аксена за оставшиеся полчаса он едва ли успеет добраться, разве что случится нечто сверхъестественное. А что может быть сверхъестественнее, чем вот это длиннеее чудуице, которое меланхолично покачивает головой?..

Неожиданно голос произнес:

— Я знаю тебя, человек.

— Вот как! Кто же я? — спросил Суровцев, решивший ничему не удивляться.

— Ты — старший инженер-воспитатель Зеленого городка. Тобор зовет тебя Ив.

— Ты и Тобора знаешь?

— Мы с ним — братья по биосинтезу, — произнес голос небез достоинства.

Суровцев воскликнул:

— Кто же ты, черт возьми?!

— Докладываю, человек, — отрапортовало чудуице заученным тоном. — Я — белковая система № 214787, серии РМ, узкого профиля, предназначенная для работ, связанных с очисткой леса, а также...

— Стоп! — сказал Суровцев. — Почему же я тебя не знаю?

— Потому что я находился в биологической лаборатории, и информацию

о внешнем мире получал от наладчика. Сегодня мой первый выход на объект работы, — с важностью ответило чудище. Впрочем, важность в его голосе, как и прочие оттенки тона, Суровцеву, конечно же, явно померещилась. Голос, которым изъяснялась с ним белковая система, был сух и бесстрастен. Белковым узкой специализации, как известно, программировать эмоции ни к чему.

Ну и ну! Продукцию родимого ИСС не узнал!

Иван в растерянности выронил калькулятор, чудище подобрало его щупальцем и молча протянуло владельцу. И тут Суровцева осенило — второй раз за последние несколько часов.

— Послушай, серия РМ, — сказал он. — Мне нужно как можно быстрее выбраться из тайги. Скажи, каков кратчайший путь до учебного центра?

— Ты должен двигаться в том направлении, — указало чудище щупальцем. Суровцев собирался идти совсем в другую сторону.

— Сколько отсюда до учебного центра?

— Если путь измерять по прямой, а расстояние исчислять в километрах... — начала машина бесстрастным своим тоном, но Суровцев уже не слушал ее.

А что, если...

Оборвав машину на полуслове, Иван вскочил на мягкую, прогнувшуюся под ним платформу и выкрикнул:

— Дуй в учебный центр!.. К крайнему коттеджу, который за гостиной, на самом отшибе.

Машина, однако, не двигалась с места. Белковая система не подчиняется команде человека?.. Такое в практике Суровцева еще не встречалось.

— Ну... — выдохнул Иван и почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Дуй?.. — негромко воспроизвела его команду машина, и в голосе ее впервые явственно послышались нотки растерянности.

— Ах ты, господи! — воскликнул Суровцев. — Ну беги, скачи, прыгай или, если тебе понятней, перемещайся в учебный центр с максимально возможной скоростью!

— Но мое задание...

— Всю ответственность я беру на себя, серия РМ, — поспешно перебил Суровцев. Что-то, а обращаться с белковыми системами он умел.

Машина тут же скакнула вперед, да так, что Иван едва удержался, обхватив шею-башню. Голова чудища, пригнувшись, извивалась меж стволов, как бы прокладывая путь.

Да, белковую машину узкой специализации конструкторы и биологи отнюдь не предназначали на роль скаковой лошади. Истину эту Суровцев постиг с первых же секунд. Его жутко трясло, а ветви деревьев, как Иван ни изворачивался, прячась за мощную шею, преобладающе хлестали его.

Вскоре лес начал редеть, и наконец показалась поляна, за которой, облитый разгоревшимся рассветом, белел знакомый коттедж.

— Стой, серия! — велел Суровцев, и аппарат послушно остановился.



Суровцев прыгнул с платформы на траву, прихваченную утренним инеем, и побежал к дому, махнув рукой машине, чтобы она возвращалась в лес.

До восьми оставалось совсем немного.

Дверь в комнату Акима Ксенофонтовича оказалась закрытой. Суровцев осторожно постучал в филенку — пластик скрадывал звук, потом подергал ручку — дверь не поддавалась. Он переметнулся к окну, заглянул в комнату. Аксен, разметавшись, спал на диване. Клетчатый плед сполз на пол.

Видимо, Петрашевский лег спать совсем недавно — на тумбочке в изголовье еще дымилась чашка чаю или кофе.

Суровцев забарабанил в окно, но Аким Ксенофонтович даже не пошевелился.

Тогда Иван обернул руку курткой и высадил стекло. Осколки со звоном посыпались внутрь, на пол комнаты. Он перелез через подоконник, подошел к постели и затряс Акима Ксенофонтовича за плечо:

— Вставайте, шеф!

Петрашевский никак не мог прийти в себя, и Суровцев понял, что нужно любыми средствами как можно быстрее вывести его из этого состояния. Иначе Аким Ксенофонтович просто не сумеет сразу воспринять цепь умозаключений и лавину формул, которую Ивану не терпелось опрокинуть на него.

— В Зеленом городке высадились космические пришельцы, — громко произнес Суровцев.

Петрашевский сел.

— Голубчик, глотните воды... — сказал он сиплым после сна голосом, протирая глаза.

«Ключуло!» — отметил Суровцев.

— Я на одном из пришельцев только что приехал сюда верхом, — продолжал он.

— Разве вы не спали в соседней комнате?

— Я всю ночь провел в тайге.

— Ясное дело, в тайге, где же еще? А я за расчетами, только бесплодными... А сейчас, батенька, идите-ка к себе и отдыхайте как следует, поскольку спешить нам, увы, некуда. Вы переутомились, на вас лица нет...

— Вот-вот, переутомился! В этом самом переутомлении — вся суть!..

Иван схватил Петрашевского за руку и выпалил:

— Аким Ксенофонтович! Вчерашней загадки Тобора больше не существует!..

Петрашевский посмотрел на его взволнованное лицо и произнес:

— Ну-ка, голубчик, давайте по порядку. Да поживее.

Суровцев вытащил из кармана калькулятор и, перемежая рассказ формулами, вызываемыми на мембране счетно-решающего устройства, принялся излагать свое открытие.

Аким Ксенофонтович сосредоточенно слушал, опустив босые ноги на пол. Поначалу он поглядывал на своего молодого заместителя скептически, заполняя своим скептическим «гм-гм» каждую паузу, однако быстро проникся железной логикой вывода и, когда Иван умолк, воскликнул:

— Когда вы это успели?

— Ночью.
— Да тут на добрую неделю кропотливой работы, и то если знать основную идею!
— Ее-то я угадал.
— А как именно, простите?
— Мне помог четвертый закон Ньютона.
— Но у Ньютона только три закона... — растерянно проговорил Петрашевский.
— Так и я думал до недавнего времени.
Шеф погрозил пальцем:
— Не морочьте голову, Ваня.
После чего не мешкая включил экран видеофона. Когда глубина его налилась пульсирующей грозовой синью, Петрашевский нажал клавишу всеобщей связи и медленно, как показалось Суровцеву, чуть театрально произнес:
— Всем, всем, всем!.. Испытания Тобора возобновляются. Всех, имеющих отношение к экзамену, попрошу срочно собраться в сферозале.
Дав отбой, Аким Ксенофонтович подмигнул Суровцеву:
— Ну теперь ждите бури!
Он не ошибся. Иван не успел себя хоть чуть-чуть привести в порядок после ночных приключений, как на экране показалось нахмуренное лицо Коновницына.
— Что это значит, Аким Ксенофонтович? — спросил он. — Вы нарушаете наш договор.
— Выслушайте меня...
— Мы почти всю ночь общались, — раздраженно перебил Коновницын. — И хотя с трудом, но выработали единую точку зрения. Что же вы делаете?



— У нас появились новые данные, связанные с Тобором. Мы выяснили, почему вчера он вел себя так странно.

— С потолка они, что ли, свалились, новые данные? — резко перебил Коновницын.

Чем больше волновался Коновницын, тем спокойнее становился Петрашевский.

— Почему с потолка? В окно влетели, — ответил он, бросив при этом взгляд на выбитое стекло.

— Мне не до шуток.

— Я никогда в жизни не был так серьезен, Сергей Сергеевич, — покачал головой Петрашевский. — И советую поторопиться. А то все хорошие места в зале займут.

— Данные убедительные?

— Встретимся — расскажу.

— Вы хоть понимаете, Аким Ксенофонович, какую ответственность берете на себя? — воскликнул Коновницын.

— Как не понимать.

— Еще вопрос: разве ваши сотрудники входили ночью в контакт с Тобором?

Петрашевский улыбнулся.

— Нет, конечно, — сказал он. — По положению любой контакт с белковой системой во время экзамена исключен.

— В таком случае какое значение могут иметь все ваши новые данные? Изъяны-то у Тобора остались.

— В том-то и дело, что нет. Сегодня перед нами должен предстать Тобор, которого вы, Сергей Сергеевич, не узнаете!..

Слушая торопливую перевалку двух корифеев биокибернетики, Суровцев представил себе, как в эти самые минуты на улицах, площадях, просеках, учебных полигонах, в лабораториях, библиотеках, аудиториях — по всей огромной территории, имеваемой Зеленым городком, — собираются перед экранами инфоров группы возбужденных и недоумевающих людей.

Еще бы! Ведь сейчас в руках их двоих — судьба детища института, Тобора, которым городок жил и гордился не один год.

Когда экран погас, Петрашевский с кряхтением нагнулся и принялся шарить под диваном.

— Что вы ищете? — спросил Суровцев.

— Что, что... — проворчал Аким Ксенофонович, продолжая искать на ощупь. — Где-то туфли тут были.

— Они на вас.

— А я не для себя, батенька. Не идти же вам босым, в самом деле. Да еще на такой представительный форум!

Иван опустил глаза и только тут вспомнил, что оставил обувь на берегу.

Петрашевский достал туфли, смахнул с них пыль и протянул Суровцеву:

— Быстренько надевайте. Да не спите, не спите, голубчик! Спать надо по ночам, а не шастать по тайге... Гм! Ну-ка, живо смойте кровь со щеки! Откуда она у вас?

— Веткой, наверно, оцарапал, когда на платформе мчался, — сказал Иван. Так и не пришлось ему отдохнуть...

— Постарайтесь принять пристойный вид. Не то вас, чего доброго, самого за космического пришельца примут.

Они вышли и заторопились к залу. Суровцев несколько раз

оглядывался на стену осенней тайги, пока она не исчезла за поворотом аллеи.

Да, он полюбил тайгу за годы пребывания в Зеленом. И она отплатила ему тем же. Разве не тайге, не чистой ее речке обязан он нынешним своим открытием?..

Аким Ксенофонтович торопливо шагал рядом, отчужденный, погруженный в какие-то свои мысли. «Сильно сдал Аксен, — подумал Суровцев, посмотрев на его заострившиеся черты, — Трудно ему вчерашний день достался. Потруднее, наверное, чем всем остальным».

Сердце Ивана сжало сомнение. Петрашевский, не задумываясь, взял всю ответственность за возобновление испытаний на себя. Он поверил в расчеты Суровцева. А что, если они окажутся ошибочными и Тобор погибнет на первом же препятствии?..

Утренние аллеи становились с каждой минутой многолюдней. Все торопились в одну сторону.

К ним пробился альпинист, как всегда, розовощекий и подтянутый. Он поклонился Акиму Ксенофонтовичу и пожал руку Суровцеву.

— Медведь ты, Костя, — поморщился Иван, потрясая слепшимися пальцами.

— С кем поведешься, — откликнулся весело альпинист.

— Это с кем вы, собственно, водитесь? — полюбопытствовал Петрашевский.

— С Тобором, ясное дело! — сказал Костя.

Они вышли на аллею, ведущую к куполу.

— Отдохнул за ночь, Ваню? — окликнул Суровцева кто-то из вестибулярников.

— Как сказать... — процедил тот, пожав плечами. Ему не хотелось ни с кем говорить, он и сам, подобно Тобору, чувствовал себя, словно студент перед решающим экзаменом.

Костя взял под руку приотставшего Суровцева и сказал полголоса:

— Зря я, выходит, волновался, что экзамен Тобора приостановят.

— Выходит, зря, — согласился Иван.

У входа образовалась толпа, пришлось приостановиться.

— У меня есть идея, — сказал Костя, обращаясь к Петрашевскому и Суровцеву. — Давайте после испытания сразу махнем ко мне в гости?

— Поистине, вы фонтан идей, Константин Дмитриевич, — восхитился Петрашевский. — Что ж, я думаю, хорошее дело нет смысла откладывать. А вы как считаете, Иван Васильевич?

— Испытания еще не кончены, — буркнул Суровцев. — Чего загадывать?

— Поменьше волнений, коллега, — посоветовал Петрашевский и обратился к Косте: — Ну как, подумали о моем вчерашнем предложении?

Костя смутился.

— Не решил еще, Аким Ксенофонтович, — признался он. — Тут подумать надо, все обозговать. А времени на это маловато было — спал как убитый. Отдыхал на всю катушку...

При последних словах Кости Иван оживился.

— Отдыхал! — повторил он. — А знаешь, дружище, я должен поблагодарить тебя.

— За что?

— За то, что ты вчера подкинул мысль, которая здорово помогла мне. Весь вечер она торчала у меня в голове, как заноза.

— Не знаю, о чем ты.

— Разве не ты сказал под конец испытаний, что Тобору необходим отдых, как и человеку?

— Верно, верно, припоминаю, — подтвердил Аким Ксенофонович. — Именно Константин Дмитриевич высказал эту мысль первым, хотя, возможно, и не сознавал всей ее ценности.

Костя переводил взгляд с одного на другого: уж не разыгрывают ли? Однако лица его собеседников были серьезны.

— А что дает эта мысль? — спросил он.

— Потом, Костя, потом, — нетерпеливо произнес Суровцев, протискиваясь наконец в дверь.

Едва Иван глянул на экран, у него отлегло от сердца: бег Тобора был обычным — упругим, резвым, размашистым. Бег, представляющий собой непрерывную цепь прыжков, и каждый из них производился в точном соответствии со сложной и тонкой легкоатлетической наукой, которая впитала в себя все достижения спортсменов — с древнейших времен до наших...

«Интересно, сколько при такой скорости остается Тобору до первого препятствия?» — подумал Суровцев. Он хотел было вытащить калькулятор, чтобы прикинуть, но Петрашевский угадал его мысль и сказал:

— Думаю, до болота ему бежать минут десять, никак не меньше.

Те, кто слышал утренний разговор Петрашевского с Коновницыным, нет-нет да и поглядывали на директора проекта «Тобор», ожидая разъяснений.

Каждого, конечно, интересовало: чем объяснить быструю мотаморфозу Тобора? Куда девались его вялость, замедленность в движениях, которые вчера так взволновали всех? Каким образом вновь обрел он обычную свою форму? Даже на травмированное вчера щупальце Тобор теперь почти не припадал.

Петрашевский кашлянул.

— Нашему коллеге, Ивану Васильевичу Суровцеву, — сказал он, — минувшей ночью удалось сделать важное научное открытие. Думаю, оно будет иметь далеко идущие последствия и заставит нас заново пересмотреть всю систему подготовки белковых...

Взгляды обратились к Суровцеву.

— Суть дела в двух словах такова, — начал Иван. — Белковая клетка не может постоянно пребывать в напряжении. Она нуждается в периодах расслабления. Клетки, конечно, бывают разных типов. Самые, пожалуй, прочные и выносливые — те, которые мы синтезируем для Тобора. Но это едва не сыграло с нами злую шутку: мы ведь считали, что практически нет предела выносливости Тобора. И сравнивали его в этом смысле с машиной... Ну, а дело оказалось гораздо тоньше. Я заново пересчитал энергетический баланс клетки Тобора. И оказа-

лось, что после определенного порога — правда, довольно высокого, — в клетке должно образовываться вещество, аналогичное молочным кислотам. Оно и вызывает то состояние, которое мы зовем усталостью...

— Усталостью? — переспросил Коновницын: ему показалось, что он ослышался.

— Именно усталостью, Сергей Сергеевич, — подтвердил Суровцев. — Этим явлением и объясняется вчерашняя вялость нашего воспитанника.

— Вот оно что... — протянул Коновницын. — Выходит, за ночь Тобор просто-напросто...

— Успел отдохнуть, — докончил Суровцев. — В отличие от меня, — добавил он, улыбнувшись.

Петрашевский уточнил:

— Белковая система пришла в норму.

На Суровцева посыпались вопросы.

— Какое время необходимо Тобору для того, чтобы прийти в обычное состояние? — деловито спросил один из инженеров испытательного полигона.

— Я прикинул ночью на калькуляторе, — сказал Иван. — Это был сложный расчет — параметров несколько тысяч, сами понимаете... Мы его в институте еще уточнять будем. Но примерный период полного отдыха для Тобора — шесть часов.

— Почти как у человека...

— Все это любопытно, — сказал Коновницын. — Но в таком случае у меня к вам вопрос, Аким Ксенофонтович.

— Слушаю.

— Нужен ли был генеральный прогон, который вы устроили Тобору накануне решающих испытаний?

— Вопрос в яблочко, — опустил голову Петрашевский. — Теперь-то нам ясно, что прогон был ошибкой. Мы перегрузили Тобора. Или, если пользоваться терминологией Ивана Васильевича, переутомили его.

— В результате испытания едва не сорвались, — сказал Коновницын.

— А Тобор чуть-чуть не погиб, — добавил кто-то из членов Государственной комиссии.

Некоторое время все молча смотрели на стремительного Тобора, за которым едва попевала камера автоматического слежения.

— Нет, прогон не был ошибкой! — прорезал тишину чуть охрипший от волнения голос альпиниста.

— Вот как, — усмехнулся Коновницын. — Вы считаете, молодой человек, что нет худа без добра?

— В данном случае, по-моему, добра больше, чем худа!.. — сказал Костя.

— Любопытно, любопытно, — произнес Коновницын, становясь серьезным.

— Не объясните ли вы нам, Константин Дмитриевич, свою точку зрения? — попросил Петрашевский.

— В результате того, что произошло, мы определили порог выносливости Тобора, — произнес Костя. Он так и сказал — «мы».

— Костя прав, — поддержал приятеля Суровцев. — Хорошо,

что вчерашний конфуз с Тобором произошел именно вчера, а не через год.

— И на полигоне Зеленого городка, а не в рабочих условиях, — добавил задумчиво вестибулярник.

Коновницын сказал:

— Дельно, товарищ альпинист.

Когда Костя сел, Аким Ксенофонович положил ему руку на плечо и веско произнес:

— Будем считать, Константин Дмитриевич, что ваше посвящение в рыцари, то бишь в воспитатели, состоялось!..

...Тобор продолжал продвигаться семимильными шагами, намного опережая временной график. Когда он с той же легкостью, без видимых усилий преодолел первое на сегодня препятствие под кодовым названием «Болото», в зале стихийно вспыхнули аплодисменты. Хлопали все, включая Сергея Сергеевича. Последним зааплодировал альпинист — он хлопал усерднее всех, сияя при этом так, словно это именно он, а не Тобор, только что преодолел топкие, коварные хляби с переменным профилем дна, который меняется во времени...

Впрочем, чувство естественной сопричастности к Тобору и к тому, что происходило в этот момент на экране, было у каждого, кто присутствовал в сферозале и с радостным волнением следил за продвижением белкового и пустым штрафным табло.

Иван подумал: когда Тобор полетит к дальним звездам, когда он ступит на чужую планету, разве не ступят на таинственную почву и все они вместе с ним, своим детищем? Разве не вобрал в себя он, Тобор, их бессонные ночи, треволения каждого нового этапа обучения, бесконечную пытку испытательных полигонов, нудные в своем однообразии учебные поиски?..

Сколько раз жубой из них готов был махнуть рукой на все, послать к дьяволу этот неуклюжий конгломерат белковых клеток, именуемый Тобором и выращенный в камерах синтеза Башни Безмолвия?

...Однако следующий, удачный ход Тобора искупал все, и ученые, позабыв о неудачах, шли дальше по долговому, очень долговому пути, который сами для себя (и Тобора!) наметили.

И она пришла — награда за все.
